

Rytų kultūros Lietuvoje

ОБ АРХЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ В ОБЛАСТИ ТАТАРИСТИКИ

Галина Мишкинене

Вильнюсский университет

В статье рассматриваются проблемы археографических исследований в области татаристики. Автор ставит перед собой цель определить этапы и специфику подобных исследований с момента открытия памятников письменной культуры литовских татар.

В археографии сложились два различных понимания ее сущности: широкое и узкое [Черных 2001]. Согласно первому, объектом археографии как специальной историко-филологической дисциплины является документ (преимущественно письменный в современном значении этого термина, включающий авторскую рукопись, рукописную и редкую книгу), а предметом – изучение каждого отдельного документа в качестве самостоятельного памятника материальной и духовной культуры, а также истории его создания и бытования. В соответствии с этим пониманием возникло и представление о трех основных видах археографической деятельности:

- полевая археография: собирание документальных памятников истории и культуры, сохранившихся в пределах частной собственности, вне официальных учреждений и го-сударственных хранилищ, изучение их в среде бытования;
- камеральная археография: изучение и детальное подокументное описание таких памятников, уже поступивших в государственные хранилища (архивы, библиотеки, музеи);
- эдиционная археография: публикация (издание) их текстов или научных описаний.

Наряду с этим значительное распространение получило иное понимание археографии – как специальной научной дисциплины, занимающейся лишь вопросами публикации (издания) источников.

Переходя к рассмотрению состояния археографических исследований в области татаристики, прежде всего постараемся ответить на вопрос: Существовала ли целенаправленная деятельность по выявлению, сбору и изучению памятников

письменности литовских татар в среде их бытования? И если существовала, то каковы ее этапы и специфика?

С момента открытия памятников письменной культуры литовских татар [Fleischer 1838, 450–451, Мухлинский, 1858] до появления первой специальной монографии [Антонович 1968] прошло 130 лет. Первые публикации отрывков текстов из арабскоалфавитных рукописей появились задолго до того, как была разработана система их научно обоснованной транслитерации; первоначально тексты записывались по личному усмотрению пишущего [Мухлинский 1857; Карский 1922].

Я. Станкевич и М. Таўэрава были первыми исследователями, которые, основываясь на научных принципах транскрипции, познакомили читателей с отрывками текстов [Станкевич, Таўэрава 1923, 70–78; Станкевич 1924, 46–52; Станкевич, Таўэрава 1925, 69–80], в том числе с популярной легендой “Мерадж” из китаба И. Луцкевича [Stankevič 1933, 374–390]. С тех пор во многих статьях в качестве наглядного материала публиковались фрагменты “Мераджа”, ставшего классическим примером при демонстрации особенностей содержания арабскоалфавитных рукописей [Ластоўскі 1926; Вольский 1927, 135–146].

В журнале “Rocznik Tatarski” появился ряд публикаций, посвященных содержанию китабов как одной из разновидностей арабскоалфавитных рукописей литовских татар и представлявших читателям иллюстративный текстовой материал [Szykiewicz 1932, 188–194; Wogonowicz 1935, 376–394].

Наиболее ценной с археографической точки зрения была предпринятая С. Кричинским попытка учета и описания рукописей собрания Вильнюсского Муфтиата [Крусчыўскі 1935]; источником для этого описания послужила статья С. Туган-Мурзы Барановского [Baranowski 1932, 314–315]. В собрании Муфтиата хранилось 14 Коранов (11 из них написаны в ВкЛ и обозначались как “литовские”), 16 хамаилов (6 из которых с построчным переводом на белорусский язык), 5 китабов (древнейший из них 1771 г.), 2 теджвида, 1 тефсир и “Турецко–белорусский разговорник 1836 г.”

В силу исторических обстоятельств татары проживают теперь на территории трех государств – Белоруссии, Литвы и Польши, являясь при этом хранителями общего культурного наследия.

В 1961 г. Отдел восточных языков при Польской Академии наук попытался закаталогизировать рукописи литовских татар, хранящихся на территории Польши. Наряду с другими картотеку были внесены три ценных памятника: два китаба (1631 и 1850 гг.) и польский перевод Корана, записанный арабским письмом (1900 г.). Ч. Лапич писал: “Инвентаризация рукописей Отделом восточных языков при ПАН не принесла ожидаемых результатов. В приготовленной к тому времени картотеке оказались описанными 10 хамаилов (3 из Суховоли, 2 из Крушинян, 5 из Белостока), 5 мухиров на арабском языке (3 из Суховоли, 1 из Крушинян, 1 из Богоников), 1 далавар (из Суховоли) и два китаба (оба из Суховоли). Некаталогизированными остались рукописи,

которые я видел, и о которых сообщали мне местные жители-мусульмане, как, например, *китаб* из Крынок и *китаб* из Малавичей, *хамаил* из Татарского музея в Сокулке” [Lapicz 1989, 165].

К 1968 г. А. Антоновичу удалось разыскать в хранилищах разных стран 23 белорусскоязычные арабскоалфавитные рукописные книги XVII–XX вв. (главным образом *китабы*, *хамаилы*, рукописи Корана), а также один деловой документ (расписку) 1759 г. Это было значительным археографическим достижением, поскольку в начале XX в. науке было известно всего 7 таких рукописей: 4 находились в библиотеке Петербургского университета, 1 – в музее И. Луцкевича (Вильнюс), 2 – в Лейпциге в музее Яблоновских и отрывок, напечатанный в работе А. Мухлинского [Ластоўскі 1926, 13].

Обобщая материал собранных рукописей, А. Антонович в своей работе “Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система” (1968) установил хронологию поселения татар в ВкЛ, время возникновения первых белорусских текстов и их отношение к польским. Он дал обзор доступных ему рукописных сборников, содержащих белорусские тексты: описал сохранность, объем и содержание этих рукописей, указал характерные особенности их графико-орфографической системы, предпринял попытку диалектной локализации рукописных источников, уделил много внимания их датировке. В качестве примеров исследователь опубликовал фрагменты из 23 арабскоалфавитных рукописей, на основе которых была разработана оригинальная система транслитерации подобных текстов [Антонович 1968, 192–194].

В 1997 г. белорусское общество татар “Ал Китаб” издало каталог рукописных и печатных изданий, представленных на выставке, посвященной 600-летию поселения татар на землях ВкЛ [Рукапісныя... 1997, 6–14]. В него были включены 2 списка Корана (1857 г. и 1-ой трети XIX в.), 2 *китаба* (1797 г. и 1832 г.), 2 *тефсира* (конца XVIII в. и начала XIX в.), а также 5 *хамаилов* конца XVIII–начала XX в. Здесь впервые предпринята попытка представить рукописи из частных собраний. Кроме необходимых для каталогизации сведений, в этом издании дано краткое описание содержания учтенных памятников, что представляет немалую ценность для специалистов.

В 2000 г. А. Дрозд, М. Дзекан и Т. Майда опубликовали каталог татарских памятников под заглавием “Pismiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich”. В предисловии к изданию отмечено, что авторы ставили себе целью закаталогизировать все известные рукописи литовских татар, хранящиеся в государственных хранилищах Англии, Белоруссии, Германии, Литвы, Польши, России и Татарстана. В описание не были включены рукописные памятники из частных коллекций. Авторы не стремились к подробному описанию содержания учтенных ими рукописей. Несмотря на некоторые неточности, данная публикация важна тем, что в ней впервые представлена и описана иконография литовских татар, чем открыта наименее исследованная страница истории их культурного наследия: в каталоге описано 62 *мухира* (араб. ‘надпись’ – выписанный

стих из Корана, вывешиваемый на стене в мечети либо в доме мусульманина), в основном, конца XIX–XX вв.

В настоящее время в Вильнюсе готовится к изданию аналогичный сводный каталог татарских рукописей, хранящихся в рукописном отделе Литовского национального музея (далее ЛНМ), а также в библиотеках Вильнюсского университета (далее БВУ) и Литовской Академии наук (далее БАН). В издании среди прочего будут впервые описаны рукописи, поступившие на хранение в ЛНМ из бывшего Музея атеизма.

Ниже в качестве примера публикуется одна словарная статья.

Китаб Айши Смольской (1814 г.)

Место хранения: ЛНМ (R–13.032).

Копия: Эроскопия в коллекции А. Антоновича БВУ (F150–224).

Другие номера каталогизации: К–10; МРП–10.

Датировка: На с. 600 турецкая запись о том, что рукопись написана в месяце шабан 1230 г. по мусульманскому летоисчислению (= 1814 г.): *Tarih binde iki yuz otuz yelinde mubarek şeban ayında temat oldi miş şehrinde katib ayşa binte muherem iz murzičov yakubove smolska.*

Переписчик: Айша из Мурзичов Якубова Смольска (т.е. дочь Мурзича, жена Якуба Смольского) в местечке Мыши (населенный пункт в окрестностях г. Барановичи, Беларусь).

Почерк: Весь текст рукописи написан одной рукой.

Объем: 592+(XIV) с. Ошибка в пагинации — после страницы 329 указана не 330, а 340 с.

Формат: 16,8x21,5 см, текстовое поле 11,0x15,0 см.

Бумага: Двух видов: светло-зеленая (1–56 с.) с фрагментами водяных знаков с контрамаркой *МОФЕБ/9* и белой датой *1812*; серая, лощеная с водяным знаком *Pro Patria* с контрамаркой *МУСК* и белой датой *1814*.

Переплет: Плотный картон в темно-коричневой коже. Защитные листы — плотная бумага желтого цвета. На первом защитном листе карандашом написано: *Kitab 7.*

Чернила: Черная тушь. Во многих местах текста для выделения заглавий и некоторых других частей текста употребляется красная тушь.

Пагинация: Простым карандашом, кроме 14 чистых страниц.

Количество строк на странице: 15

Кустоды: +

Пунктуация: Отсутствует.

Рубрикация: Граница между частями текста рукописи обозначена как устойчивыми лексическими оборотами, так и графически. Новая тема всегда начинается

словами *в китабе так пише* или *баб*, а кончается словами *амин* или *конец*. Иногда указывается источник.

Язык: Белорусский, польский, арабский и турецкий. По мнению А.К. Антоновича [1968, 71], “в языке китаба Смольской явно преобладают черты, свойственные юго-западным белорусским говорам, как, напр., неполное аканье, то есть сохранение конечного безударного /o/, явное преобладание форм без окончания *-ць* в 3-м лице ед. ч. глаголов I-го спряжения”.

Графико-орфографические особенности: В рукописи звуки /o/ и /y/ обозначаются разными знаками. Отличительной чертой орфографии Смольской является отсутствие огласовок не только в восточных (арабских и турецких) текстах, но и в отдельных белорусских и польских словах. Особенности графико-орфографической системы рукописей, написанных Айшей Смольской, подробно рассмотрены в работе А. Антоновича [1968, 208, 328–329].

Сохранность: Сохранность книги в целом и текста в частности очень хорошая.

Происхождение и владельцы: Как явствует из записи в инвентарной книге Караимского музея, китаб приобретен в 1946 г.

Содержание:

сс. 1–4: Часы, в которые нельзя совершать намаз: *баб у шералих кийам китабе о которых часех немаз пеци негодзица мекрут йест...*; с. 4: Части Корана: *баб у кур'ане суфор трицац*; сс. 4–5: О значимости намаза: *баб немаз йест у па/на/бога великайа реч и харошайа*; сс. 5–7: Намаз как разговор с Богом: *у китабе аджилейи пише йешчо прорек мухамед мовил гди ку намазу приступуйце и с паном богом розмови меци*; сс. 7–10: Обращение пророка Мухаммеда к Богу в Судный день: *у китабе шеруте селоу пише на судний дзен гди на страшном суде будут пророк мухамед рекнец до пана бога*; сс. 10–14: О мусульманах у райских ворот: *у китабе шуруту селоу пише пророк мухамед мовил так гди з воли божьи тийа луди мусулмане прийдут до райу до варот пан бог кеже ангелом проваца йих до реки до вади*; сс. 14–33: О душах праведных и неправедных: *у китабе аджилайу пише йако добрему душу беруц хорошо а лихому лиху*; сс. 33–35: О божьей мудрости: *у китабе мукедиме пише кеторий человек немаз/з/ пейец после намазу кожного тридзесце раз и три рази субха аллагы*; сс. 35–39: О грехах: *у китабе шуруту селоу пише о тих грехов зебранных пророк мухамед мовил бив адзин навчони человек которого звано 'алий валидин*; сс. 39–40: О просьбах к Богу: *баб пане боже дай толко штоб било спотребу и зйести испити а не пишозности болей*; сс. 40–48: Об известии, принесенном ангелом Джебраилом пророкам: *баб през джебра'ила до пророков йих милосци била весц ушелаке науке подана*; сс. 48–49: О читающих Коран, но не совершающих намаз: *баб пророк а. с. Приказав хто кур'ан пейе а намазу не кланейца той не йест мусулманин*; сс. 49–55: Об искушении человека сатаной (шайтаном) и покровительстве ангелов: *баб ведайце што у человеке триста*

шедздесат жил або сустав йест; сс. 55–57: Сура Алхамда, как разговор с Богом: баб ведайце же алхемд пецйо с панем богем розмову чиниш; сс. 57–58: О согласи в дружбе: баб читай о згодливей приязни; сс. 58–61: Об уважении отца и матери: баб читай о повиносци ойма и матки йак пан бог прикезав; с. 61: Об уважении к соседям: баб йака же пан бог суседов кривних шановац; с. 61: Об уважении к старшим: мови пан бог старого кежного шануй и поважай; сс. 62–64: Об уважении к ученым людям: баб усту своего и кежного навчного шануй и поважай; сс. 64–66: О посте рамазан: баб о постце ремезан; с. 66: Об утреннем приеме пищи во время поста: баб о шагарку пан бог кезав; сс. 66–72: О ночи кадыр: баб кедир ночи пан бог ознаймуе йак у духан сурею пише; сс. 72–79: Фитр: баб о давају фитре за пост ремезан медец; сс. 79–80: О необходимости поста: баб реджеб медеца и шебан медеца мусулманом будучи треба постникац без числа спасења; сс. 80–81: О святых ночах: баб о ночах светих ведай першейа ноч реджеб медеца першого чецверга; баб души мусулманскийе наследуйучи тих зацних медецев майуц биц волни; сс. 81–84: О месяцах, днях и ночах: баб о медецах и днах и ночах; сс. 84–88: Айша (младшая жена Мухаммеда) о месецах: баб айша йейи милоцц од пророке е. м. чувши мовйла; сс. 88–91: О приношении жертвы во имя спасения души: баб [...] пророк йего милоцц мовил чинце добре сабе чинце добре душам свайим и кривним свайим курбани и оброки; сс. 91–97: Беседа Бога с джамиатом о пятничном намазе: баб у суреу джуме'ати пан бог мови; сс. 97–106: О времени чтения азана: баб кали учуйеш азан идзице до намазу занехевши свайе работи и тарговли кали азан запейуц; сс. 106–130: О божьей милости к мусульманам: [...] хвалу богу створци асминацац тисечей светов створивши ласку и милоцц учинивши над пророкем мухаммедом и над усима светими хто колвек будучи мусулманином ведай и знай; сс. 130–146: О хараме: баб о хераме о пйанству; сс. 146–180: О намазах: абдест ад адем пророке аж до мухаммед пророке йего милоцци у четирох речех ферз; сс. 180–181: Беседа Мекки и Медины: хикайет гисторийа мека из мединейом спречилиса; с. 181: О 12-ти грехах: али светий мовил дванацац грехов галавнейших йест; сс. 181–183: О пьянстве (с подстрочным переводом с турецкого): баб кто упившиса крициц гей гей а на пришлим свеце у пекле кричац будзе вой вой; сс. 183–186: О времени Судного дня: шуруту китабе пише пред сондним дном; сс. 186–188: Пять человек, которых Бог не услышит: баб пророк е. м. мовил пеци человек пан бог богомоляа неприеме; сс. 188–189: О повинностях: баб ис каждой речи дзесецина йест; сс. 189–193: О бедном сыне Адама: баб ай бедний адамский син сам себе не знайеш до чого прийдзеш; сс. 193–209: Китаб мевлюд: баб китаб мевлюд будур напрод успомнице што било изпочатку; сс. 209–242: Мерадж: дестан ме'раджнаме будур; сс. 242–258: О сотворении мира: баб прецив недзели у вечор пан бог твориц зачав свет; сс. 258–264: Васият: баб весийеї тречи од пророка йего милоцци виданий;

сс. 264–266: О поучениях, данных Богом Мухаммеду через Коран: баб седеке аллегу ал'азими правдиве пан бог милосердний мовил мухамеду пророку подайонц науку в кур'ане великом; сс. 266–271: О том, чему пророк учил свою дочь: баб пророк йего милоџц дав то нам ведац и дачку свайу учив ай фатима йеџли кеторайа жона добре справовалаџе; сс. 271–275: Завещание пророка Мухаммеда: баб дестамент мухамед мустафа ай муџулмане паслџхайце йак иџего џвета исходзив мухамед пророк; сс. 275–303: Десять божьих заповедей: баб дзеџенџора прикезанйо божейо до мухамед пророке; с. 303: О том, как евреи схватили Иисуса и бросили в тюрьму: ведайце коли жидове 'йџу пророке поймавши забйц хаџели и вперед до тџрми укйнули; сс. 303–316: О пророке Йунусе: приповеџц одного днџ йунуџ пророк йего милоџц захварев иџего џвета переменивџе матке йего велми фрасовалаџе; сс. 316–344: О смерти Фатьмы: хйкайеџ о фатме йако иџего џвета зишла; сс. 344–350: О том, как Джебраил сообщает Мухаммеду время Судного дня: баб хйкайеџ одного днџ джеббра'ил йего милоџц пророкџ ведзец дав коли сондний дзен бџдзе; сс. 350–351: Повесть о пророке Давиде: хйкайеџ одного днџ давуд пророк е. м. У бейти ал мукедесу на гору узишов; сс. 351–352: Повесть о пророке Сулеймане: хйкайеџ о џулеймане пророку син умар џулейман велми по ном плакев; сс. 352–354: Вторая повесть о пророке Давиде: хйкайеџ о давуд пророку из азра'илем приџаџелство учинив; сс. 354–357: О пользе повествования: хйкайеџ послухайце йедной повеџци йако бџду поведац џ хто ма розум той будзе слџхац; сс. 357–362: Повесть о муже и жене: хйкайеџ [...]из жонойу своейу уџего одну оджежу мев; сс. 362–364: О том, как на месте совершения гусла нельзя читать Коран и молиться: у мукедим кйтабе так пише гдзе гусел береш на том мейџцу кур'ан и намаџ не пей; с. 364: О молитве после поста: баб и то ремезаннойо одпоџникаванйо тим обичайом пей; сс. 364–365: О молитве перед началом трапезы: баб а коли перши кус брац у рот бџдзеш мов так; сс. 365–402: О болезни Абдуллага: абдуллаги алейгим селам аббуллаг џветий йего милоџц син меџ'удов угодник божий џдного днџ захвареи хорий бив; сс. 402–413: Об обращении Бога к своим созданиям: [...]то йеџт тому виклад иж пан бог сам рек божеством своим; сс. 413–429: Араб. текст; сс. 429–435: О кафире: геџа фи ал тефџсир 'м кйтаб [...] лџна тийе кеторийе питали одзин у другого кефирове то џе стало; сс. 435–565: Суры 79–110, 112–113: и ствержайце словами свџйими божими йако души майуц давац џ боли теж газейове йако души свойи дайуц нежалуйуц (79 сура); [...] твар одвернув џбо одвернувџе мухеџед того часу коли пришов џдзин џлепий твар свойу одвернув (80 сура); сс. 566–572: О смерти Марьямы: хйкайеџ о џмерци мерйемий џветой удзаџноџц божей; сс. 572–585: О происхождении мусульман от Исаила: баб о виводзе народу иџмаалџкего; сс. 585–600: Ответ на шуточное стихотворение Кохановского: написал кохоновџки медзи свойе фрашкй.

Литература: Антонович 1968.

Следует отметить, что многие памятники письменности, являющиеся объектом исследования археографии в ее широком понимании, не представляют интереса для археографии в узком смысле. Таковы рукописные и старопечатные книги канонического содержания (Коран): они не требуют публикации, поскольку текст их традиционен и многократно воспроизводился, но нуждаются в собирании и подробном научном описании. При описании подобных памятников кроме общих палеографических сведений следует указывать количество сур, их последовательность (если она отличается от традиционной), имеющиеся пометы и т.д.

Актуальность каталогизации и описания рукописей обусловлена изменившейся ситуацией как внутри общины, так и вне ее: в настоящее время рукописные книги в татарских семьях встречаются исключительно редко – из-за жизненных трудностей, смены поколений, а в последние годы также из-за неконтролируемого и беспрепятственного доступа к наследию литовских татар иностранных ученых и просто любителей старины. Так, в газете “Наша Ніва” от 2 мая 2001 С. Богдан и В. Гушча пишут: “Літаратуру беларускіх мусульманаў моцна панішчылі войны мінулага стагоддзя. Са Сьмілавічаў, кажуць, у 60–70-я мяхамі вывозілі кнігі, многія зь якіх у 90-х сплылі ў Савудаўскую Арабію й Кувэйт”.

В 70-х гг., когда проф. А. Антонович собирал материал для своей монографии, он смог включить в описание всего 4 рукописи из частных коллекций. Именно в 60–70 гг. в научной литературе появляется утверждение о том, что уже никто из литовских татар не читает рукописных книг. Во время своих археографических экспедиций 2001–2002 гг. помимо фиксации (и приобретения) новых рукописей, мне посчастливилось сделать удивительное для себя открытие: мои респонденты не только умеют читать рукописи, но и активно их используют. Так, 78-летняя Танзилия Беганская (Швенченский район, дер. Милькунай) ведет календарь, в котором помечает все мусульманские праздники. Для того чтобы правильно установить праздничные дни, она покупает обычный календарь и соотносит содержащиеся в нем данные с записями в хамаиле:

“Я вот веду календарь. У меня есть хамаил. В хамаиле написано, в какие. У нас, видите, с молодика до молодика. И у нас нет 31 день ни в одном месяцу. У нас 30, 29. И високосный год есть, каждый четвертый. Как и этот календарь, которым мы живем, так и в нашем тоже есть високосный. Так тогда последний месяц двенадцатый, зульхад по-нашему называется, тогда 30. Так он всегда 29. И указано, сказано, надо знать, на каком слове – по-арабски называется хурфа, слова называются хурфой – на каком слове стоит год, вот какие годы подряд идут и указано в хамаиле, когда бывает, в какой день начинается, указано или в понедельник, или вторник, среду, четверг указано, в какие дни начинаются, и тогда погляжу на календари, тогда и тогда молодика новолуние. Погляжу в тетрадку, какой месяц у нас идет. У нас, например, новолуние в календаре в понедельник, а у нас среда указана в этот месяц, тогда я устанавливаю это число, и тогда я знаю, когда бывают наши праздники. И я знаю, когда они бывают. У меня есть вот давнейший календарик, еще муфтийский 38-го года. Здесь указано, я и так знаю,

когда бывают праздники, в какой месяц, в котором дню. Так я устанавливаю, я веду. По-польски свента музульмански. Здесь сказано, когда бывают рамазан байрам, курбан байрам. Курбан байрам, это в переводе значит, курбан – это афяра. И когда бывает Новый год, и когда бывает день Ашура. А день Ашура, день воспоминаний, это исторический праздник и считается днем поста. Только один день, так мы называем третий праздник, третий байрам, это день Ашура, один день бывает. Курбан байрам четыре дня бывает, а рамазан байрам три дня бывает. Здесь все указано, как немного можешь прочитать. Здесь очень много всякие цифры, всякие падеи исторические, где участвовали татары”.

Рассмотрим теперь состояние эдиционной татарской археографии, содержанием которой является научное описание и издание рукописных источников, а также их научный перевод как один из важнейших этапов в работе над текстом.

Многие работы, посвященные памятникам письменности литовских татар, содержат публикации отдельных текстов. Однако эта работа велась не вполне систематически, многие тексты издавались без научного комментария. Как известно, все арабскоалфавитные тексты, в том числе польские, А. Антонович транслитерировал, используя кириллические буквы с надстрочными и подстрочными знаками [1968, 192–194]. После публикации монографии Ч. Лапича [1986], в которой предложена система транслитерации польскоязычных текстов, основанная на латинице, имеет смысл функционально развести эти две системы: арабскоалфавитные тексты XVI–XVII вв., написанные, в основном, по-старобелорусски, целесообразно транслитерировать “по Антоновичу”, а тексты XVIII–XIX вв., в которых преобладает польский язык, представляется более естественным транслитерировать “по Лапичу”. Последняя система была модифицирована и дополнена самим автором при издании книги [Klucz do raju 2001], содержащей полный перевод китаба Милькамановича (1771 г.) на современный польский язык и подробный комментарий к нему. В настоящее время готовится к изданию перевод текста этой рукописи на английский язык.

Три памятника начала-середины XVII века опубликованы мною в кириллической транслитерации с комментарием и переводом на литовский и русский языки [Miškinienė 2001].

При многократной переписке в рукописях неизбежно появляются различного рода искажения: описки, исправления и т.п. Графические и синтаксические особенности, архаичность лексики и структуры сделали содержание славяноязычных рукописей, записанных арабской графикой, практически недоступным для неспециалистов. Таким образом, перевод способствует выявлению в источнике “темных мест”, подготавливая читателя и исследователя к целостному восприятию текста со всеми особенностями его структуры и содержания. Поэтому желательно, чтобы публикации таких источников сопровождалась если не пословными переводами на русский или польский языки, то по крайней мере исчерпывающим комментарием к транслитерированному памятнику.

К настоящему времени не удалось выявить абсолютно идентичных памятников письменности литовских татар, за исключением небольшого круга текстов, кочующих из рукописи в рукопись. Их сопоставительный текстологический анализ помог бы исследователям ответить на ряд вопросов, связанных как с языком, так и с содержанием изучаемых памятников. А это, в свою очередь, позволило бы проследить эволюцию ислама не только в рукописях, но и в сознании литовских татар. Наличие научных изданий позволит в будущем перейти к следующему этапу в изучении рукописного татарского наследия – к установлению его возможных текстовых источников. Таким образом, памятники письменности литовских татар, являясь прекрасным примером культурного синкретизма [подробнее см.: Vairašauskaitė 1998], должны стать полноценным объектом археографических исследований.

Литература

- Антонович, А. К., 1968: *Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система*, Вильнюс.
- Вольскі, В., 1927: *Отрывок из китаба: Узвышша*, 4. 135–146.
- Карский, Е., 1922: «Беларусская речь арабским письмом», *Ученые записки Высшей школы г. Одессы*, т. 2, Одесса.
- Ластоўскі, В., 1926: *Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі*, Коўна.
- Луцкевіч, І., 1920: «Ай китаб (3 пасьмертнай спадчыны Івана Луцкевіча)», *Наша Ніва*, Вільня, 28–32.
- Мухлинский, А., 1857: *Исследование о происхождении и состоянии литовских татар*, С.-Петербург.
- Рукапісныя і друкаваныя кнігі 1997: *Рукапісныя і друкаваныя кнігі беларускіх татароў*, Мінск.
- Станкевіч, Я., 1924: «Адрывак з Аль-кітабу», *Крывіч*, 2, Коўна.
- Станкевіч, Я., Таўэрава М., 1923: «Аль-кітаб», *Крывіч*, 2, Коўна, 70–78.
- Станкевіч, Я., Таўэрава М., 1925: «Апавяданне з Аль-кітабу», *Крывіч*, 9, Коўна, 69–80.
- Черных, В. А., 2001: «Еще раз об объекте и предмете археографии. Обсуждение статьи В. П. Козлова», *Отечественные архивы*, № 3.
- Vairašauskaitė, T., 1998: „Lietuvos totorių rankraščiai – LDK raštijos fenomenas, Senosios raštijos ir tautosakos sąveika: kultūrinė Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės patirtis“, *Senoji Lietuvos literatūra*, kn. 6, Vilnius, 114–122.
- Drozd, A., Dziekan, M., Majda, T., 2000: „Pismiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich“, *Katalog zabytków tatarskich*, t. III, Warszawa.
- Fleischer, H. O., 1838: „Codices Arabici, Persici, Turcici“, Nauman A. G. R. (ed.), *Catalogus librorum manuscriptorum qui in Bibliotheca senatoria civitatis Lipsiensis asservantur*, Grimae.
- Jankowski, H., Łapicz, Cz., 2000: „Klucz do raju“, *Księga Tatarów litewsko-polskich z XVIII wieku w przekładzie i opracowaniu Henryka Jankowskiego i Czesława Łapicza*, Warszawa.
- Kryczyński, S., 1935: „Bibliografja do historii“, *Tatarów polskich*, Zamość.
- Łapicz, Cz., 1986: *Kitab Tatarów litewsko-polskich (Paleografia. Grafia. Język)*, Toruń.
- Łapicz, Cz., 1989: „Z problematyki badawczej piśmiennictwa Tatarów Białostockich“, *Studia językowa z Białostocznym*, Warszawa, 161–171.
- Laucevičius, E., 1967: *Popierius Lietuvoje XV–XVIII a.*, t. 1–2. Vilnius.

Miškinienė, G., 2001: *Seniausi Lietuvos totorių rankraščiai (Grafika. Transliteracija. Vertimas. Tekstų struktūra ir turinys)*, Vilnius.

Stankievič, J., 1933–34: “Přispěvky k dějinám běloruského jazyka na základě rukopisu ‘Al kitab’”, *Slavia*, 12(3–4), Praha, 357–390.

Szynkiewicz, J., 1932: „O kitabe“, *Rocznik Tatarski*, t. 1, 188–194.

Tuhan-Mirza-Baranowski, S., 1932: “Zbiór rękopisów w Miftiacie”, *Rocznik Tatarski*, t. 1, Wilno, 314–315.

Woronowicz, A., 1935: “Kitab Tatarów litewskich i jego zawartość”, *Rocznik Tatarski*, t. 2, 351–394.

The Problem of Archaeographical Research in Tartar Science Sphere

Galina Miškinienė

S u m m a r y

This article analyses the latest archaeological research in the field of Lithuanian Tatar written manuscript heritage. The author gives her answer to the question: was the work of fixing, collecting and description of Lithuanian Tatar manuscripts purposeful. The main emphasis is put on the work stage and its specific character.

Archaeography has not always fulfilled tasks equally throughout different historical periods starting with Lithuanian Tatar written language presentation to wide academic society (Fleischer 1838, Muchlinskij 1858) and up to nowadays. While catalogization of manuscripts existed (1935, 1961, 1968, 1997, 2000 and 2003), it was not purposeful since “field archaeography” had been omitted. The publication of complete texts was ascribed to episodic (2000, 2001).

Urgency of catalogization and description of manuscripts was based on changes of the situation inside society and also outside it. Nowadays manuscripts in Tatar families are rarity. Because the social and political situation has changed, the approach to this treasury is weakly controlled.

Purposeful archaeological research could assist in saving Lithuanian Tatar cultural heritage and also to analyse it from many perspectives.

Įteikta 2003 m. gruodžio 28 d.